

ЭДГАР АЛЛАН ПО

СТРАШНЫЕ РАССКАЗЫ

Том II

Иллюстрации

БЕНЖАМЕН ЛАКОМБ

КОЛЛЕКЦИЯ
Метаморфозы

Коллекция «Метаморфозы» (Рипол)

Эдгар Аллан По
Страшные рассказы. Том II

«РИПОЛ Классик»

1832, 1833, 1835, 1836, 1841, 1845

УДК 82-32
ББК 84(7Coe)6-44

По Э.

Страшные рассказы. Том II / Э. По — «РИПОЛ Классик»,
1832, 1833, 1835, 1836, 1841, 1845 — (Коллекция
«Метаморфозы» (Рипол))

ISBN 978-5-386-14491-3

Коллекция «Метаморфозы» представляет великие произведения мировой литературы в интерпретации современных иллюстраторов. Как древнеримский поэт Овидий в поэме «Metamorphoses» повествует о различных превращениях, произошедших со времени Сотворения мира, так и современные художники, обращаясь к классическому тексту, переосмысливают его в уникальные художественные образы. «Страшные рассказы. Книга II» — долгожданное продолжение невероятно мрачных и завораживающих историй Э. А. По в сопровождении удивительных иллюстраций Б. Лакомба. Нечто глубокое и лучистое, как греза, идеальное и загадочное, как кристалл! Исполнительский талант, бездонный, как небеса и ад! Шарль Бодлер В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 82-32
ББК 84(7Coe)6-44

ISBN 978-5-386-14491-3

© По Э., 1832, 1833, 1835, 1836, 1841,
1845
© РИПОЛ Классик, 1832, 1833, 1835,
1836, 1841, 1845

Содержание

Посвящается Марии Клемм	8
Страшные рассказы	10
Метценгерштейн	11
Элеонора[6]	19
Шахматный автомат доктора Мельцеля	27
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Эдгар Аллан По

Страшные рассказы

Том II

Originally published in French under the following title: Les Contes Macabres by Edgar Allan Poe, volume 2, illustrated by Benjamin Lacombe

© Editions Soleil, 2018

In Metamorphose collection directed by Barbara Canepa and Clotilde Vu

© Липка В. М., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2021

Иллюстрации Бенжамен Лакомб

* * *

Посвящается Марии Клемм

Восторженной, преданной матери, которой поэт написал эти стихи

И ангелы, спеша в просторах рая
Слова любви друг другу прошептать,
Признаниями огнистыми сжигая,
Названья не найдут нежней, чем «мать».

Вот почему и вас так звал всегда я:
Вы были больше для меня, чем мать,
Вы в душу душ вошли, с тех пор как, тая,
Виргиния взнеслась, чтоб отдыхать!

Моя родная мать скончалась рано,
Она – мне жизнь дала, вы дали – той,
Кого любил я нежно и безгранно.

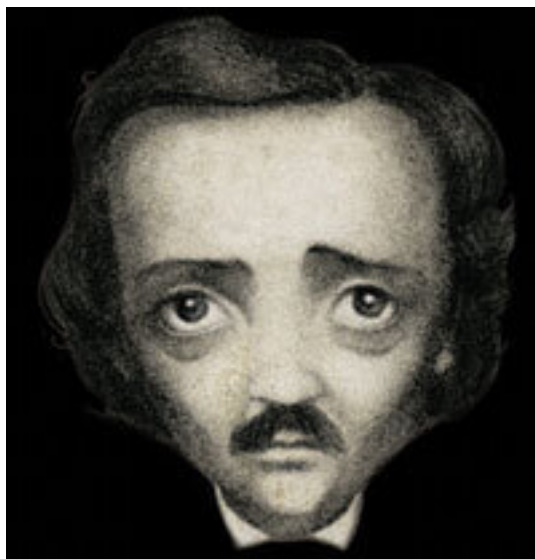
Вы более мне стали дорогой
Так бесконечно, как в священной дрожи,
Душе – она, чем жизнь своя, дороже¹.

¹ Перевод В. Брюсова (прим. ред.).

Страшные рассказы

«Всегда ищите книги с большими полями».
Эдгар По, «Маргиналии»

Метценгерштейн

Pestis eram vivus, – moriens tua mors ero.
*Martin Luther*²

Ужас и рок во все века блуждали по свету. Зачем поэтому обозначать время, к которому относится мой рассказ? Будет достаточно, если я скажу, что в глубине Венгрии существовала незыблемая, хотя и скрываемая, вера в учение о переселении душ. Я не стану распространяться о самом учении, то есть о его ложности или вероятности, однако утверждаю, что очень значительная часть нашего недоверия, по выражению Лабрюйера, о всех наших несчастьях *«vient de ne pouvoir etre seul»*³.

Однако в венгерском суеверии были некоторые пункты, которые быстро перерождались в нелепость. Они, то есть венгры, расходились очень во многом с восточными авторитетами. Так, например: «Душа, – говорят первые (я привожу слова очень остроумного и умного парижанина), – живет только один раз в осязаемом теле: лошадь, собака, даже человек, суть только призрачные подобию этих существ»⁴.

Фамилии Берлифитцинг и Метценгерштейн на протяжении многих столетий враждовали между собой. Не было, кажется, примеров такого взаимного озлобления между двумя другими столь знаменитыми семьями. Происхождение такой вражды, по-видимому, находим у пророка: «Страшное падение постигнет высокое имя, когда, подобно всаднику над лошадьёю⁵, смертность Метценгерштейна восторжествует над бессмертием Берлифитцинга».

² При жизни был тебе несчастьем – умирая, стану твоей смертью (Мартин Лютер). – Здесь и далее прим. перев., за исключением оговоренных случаев.

³ «...происходит от того, что мы не можем оставаться одни» (фр.).

⁴ «В своей книге “Год две тысячи четыреста сороковой” [в оригинале приведена на французском («L’An deux mille quatre cent quarante»), как и цитата Лабрюйера] Мерсье всерьез отстаивает идею переселения душ, а Исаак Дизраэли говорит, что в мире нет другой столь простой системы, до такой степени словившей неприятие разумом. Еще одним серьезным поборником переселения душ (приблизительно с 1869) считается полковник Итан Аллен, Дитя Зеленых гор («Le Green Mountain Boar», 1869, “Боа Зеленых гор”)). – Э. А. П. (Ш. Б.) – «Год 2440, или Сон, которого, возможно, никогда не было» (цитаты приведены в «Маргиналии», CXVII) был опубликован в 1770 году.

⁵ «Авторство этого странного, туманного текста мне неизвестно; вместе с тем я позволю себе внести некоторую ясность, применив его к нравственной направленности повествования. Время от времени По приводит цитаты по памяти и не совсем верно. Как мне представляется, смысл в конечном итоге сводится к тому, чтобы принять приписываемое отцу Кирхеру мнение о том, что животные суть “запертые души”. (Ш. Б.) – В оригинале эта цитата приведена на французском и выглядит так: «Ne

Без сомнения, эти слова сами по себе или вовсе не имеют смысла, или весьма мало, но известно, что и еще более незначительные причины влекли за собой – и не в давние времена – последствия столь же значительные. К тому же владения, которые были смежными, долгое время соперничали за влияние на правительство в управлении страной. Кроме того, близкие соседи редко бывают друзьями, и обитатели замка Берлифитцинга могли смотреть с своих высоких башен прямо в окна дворца Метценгерштейнов. Более чем феодальное великолепие, открывавшееся при этом, конечно, вовсе не способствовало смягчению чувства раздражения в менее древних и богатых Берлифитцингах. Что же удивительного после того, что слов пророчества, хотя и бессмысленных самих по себе, было достаточно, чтобы возбудить и сохранить вражду между двумя семьями, уже подготовленными к ссоре подстрекателями наследственного соперничества? Пророчество как будто предсказывало, если вообще предсказывало что-нибудь, окончательное торжество могущественнейшему дому, и поэтому вспоминалось, конечно, с ожесточением более слабым и менее влиятельным.

Вильгельм, граф Берлифитцинг, несмотря на свое высокое происхождение, был во время моего рассказа больным, дряхлым стариком, ничем не замечательным, кроме безграничной антипатии к семье своего соперника и такой страстной любви к лошадям и охоте, что ни болезнь, ни старость, ни умственная слабость не могли помешать удержать его от ежедневного участия в опасных охотах. Фридрих же, барон Метценгерштейн, был еще несовершеннолетний. Отец его, министр, умер рано. Мать, фрау Мария, сошла в могилу вскоре за ним. Фридриху в это время пошел восемнадцатый год. В городе восемнадцать лет – не долгий период, но в глуши, такой полной глуши, какую представляло из себя старое дворянское гнездо, удары маятника имеют более глубокое значение.

В силу некоторых обстоятельств, связанных с распоряжением отца, молодой барон вступил во владение своими богатыми поместьями тотчас по смерти родителя. Редко кто из венгерских дворян владел такими богатствами. Замкам барона не было числа; но главным по богатству и обширности считался замок Метценгерштейн. Границы его владений никогда не были точно определены, но главный парк имел пятьдесят миль в окружности. При известном характере молодого человека, получившего такое несметное наследство, почти не существовало сомнения в его будущем образе действия. И действительно, уже в первые три дня его подвиги превзошли ожидания его самых восторженных поклонников. Бесстыдный разгул, низкое предательство, неслыханные жестокости быстро показали дрожащим вассалам, что никакая рабская покорность с их стороны не в состоянии оградить их от когтей своенравного Калигулы, не знавшего требований совести. В ночь на четвертый день загорелись конюшни Берлифитцинга, и общее мнение внесло поджог в уже отвратительный список преступлений и гнусностей, совершенных молодым бароном.

Во время переполоха, вызванного этим происшествием, молодой человек сидел, по-видимому погруженный в размышления, в одной из больших пустынных зал родового дворца Метценгерштейна. На богатых, хотя и поблекших драпировках, угрюмо свеживавшихся со стены, были изображены туманные и величественные образы знаменитых предков молодого человека. Здесь духовные особы в мантиях, богато опушенных горностаем, и в кардинальских шапках, рядом с властителями и суверенами, накладывавшими свое veto на желания земных королей или сдерживавшими папским fiat мятежный скипетр князя тьмы. Там темные высокие фигуры князей Метценгерштейнских, топчущие конями тела павших врагов и способные своим свирепым видом подействовать на самые крепкие нервы. А еще дальше роскошные лебединые фигуры дам давно прошедших времен, плывущие в призрачном танце под звуки воображаемой музыки.

demeure qu'une seule fois dans un corps sensible: au reste – un cheval, un chien, un homme même, n'est que la ressemblance peu tangible de ces animaux» («Душа живет только один раз в осязаемом теле: лошадь, собака, даже человек, суть только призрачные подобия этих существ»).

Прислушиваясь или делая вид, что прислушивается к все возраставшему шуму в берли-фицингских конюшнях, или, может быть, обдумывая какую-нибудь новую, еще более дерзкую проделку, барон не отводил глаз от огромного коня самой неестественной масти, изображенного на обоях и принадлежавшего якобы сарацину – родоначальнику враждебной семьи. Сам конь на переднем плане стоял неподвижно, подобно статуе, между тем как позади его выбитый из седла седок погибал от кинжала Метценгерштейна.

На губах Фридриха появилась злобная улыбка, когда он заметил, в каком направлении смотрели бессознательно его глаза. Однако он не отвел их. Притом он никак не мог отдать себе отчета в каком-то беспокойстве, охватившем его и сковавшем все его чувства. С трудом он мог согласовать свое полусонное, почти бессознательное состояние с уверенностью, что все это наяву. Но чем дальше он смотрел, тем сильнее его охватывало очарование, тем невозможнее казалось ему оторвать когда-нибудь глаза от изображения. Между тем шум снаружи усиливался, и барон наконец с неимоверным усилием обратил свое внимание на багровый отсвет горящих конюшен, падавший в окна его комнаты.

Но это было только минутное движение; его внимание снова машинально вернулось к стене. И вдруг, к его крайнему ужасу и изумлению, голова гигантского коня переменяла положение. Шея животного, перед тем нагнутая как бы с сожалением над раненым хозяином, теперь вытянулась во всю длину по направлению к барону. Глаза, невидимые до того, смотрели теперь с энергическим человеческим выражением, горя необычайным красным огнем, а между раскрытыми губами, видимо, взбесившегося животного выступали его сгнившие, отвратительные зубы.

Молодой магнат в ужасе, шатаясь, направился к двери. Когда он отворил ее, на него пахнуло, проникая далеко в комнату, красное пламя, отражение которого осветило колыхавшиеся

обои, и барон вздрогнул, заметив, что оно озарило как раз изображение беспощадного торжествующего убийцы сарацина Берлифитцинга.

Чтоб разогнать напавший на него страх, барон поспешил на свежий воздух. У парадного входа он встретил трех конюхов. С большим трудом и рискуя жизнью, они сдерживали судорожно вырывавшегося и вздымавшегося на дыбы огненно-рыжего коня.

– Чья лошадь? Откуда? – спросил сварливым, сердитым тоном юноша, заметивший сразу это изумительное сходство между таинственным конем на обоях и этим бешеным животным.

– Ваша собственная, господин, – отвечал один из конюхов, – по крайней мере, никто не заявлял о ней. Мы поймали ее всю в пене и мыле, когда она бешено мчалась от горевших конюшен замка Берлифитцинга. Предполагая, что это одна из заводских лошадей старого графа, мы отвели ее назад. Но конюхи отrekliсь от нее, и это очень странно, потому что она, видимо, еле выбежала из огня.

– На лбу ясно видны выжженные буквы В. Ф. Б., – перебил другой конюх. – Я предполагал, конечно, что эти начальные буквы значат «Вильгельм фон Берлифитцинг», но в замке все положительно отрекаются от лошади.

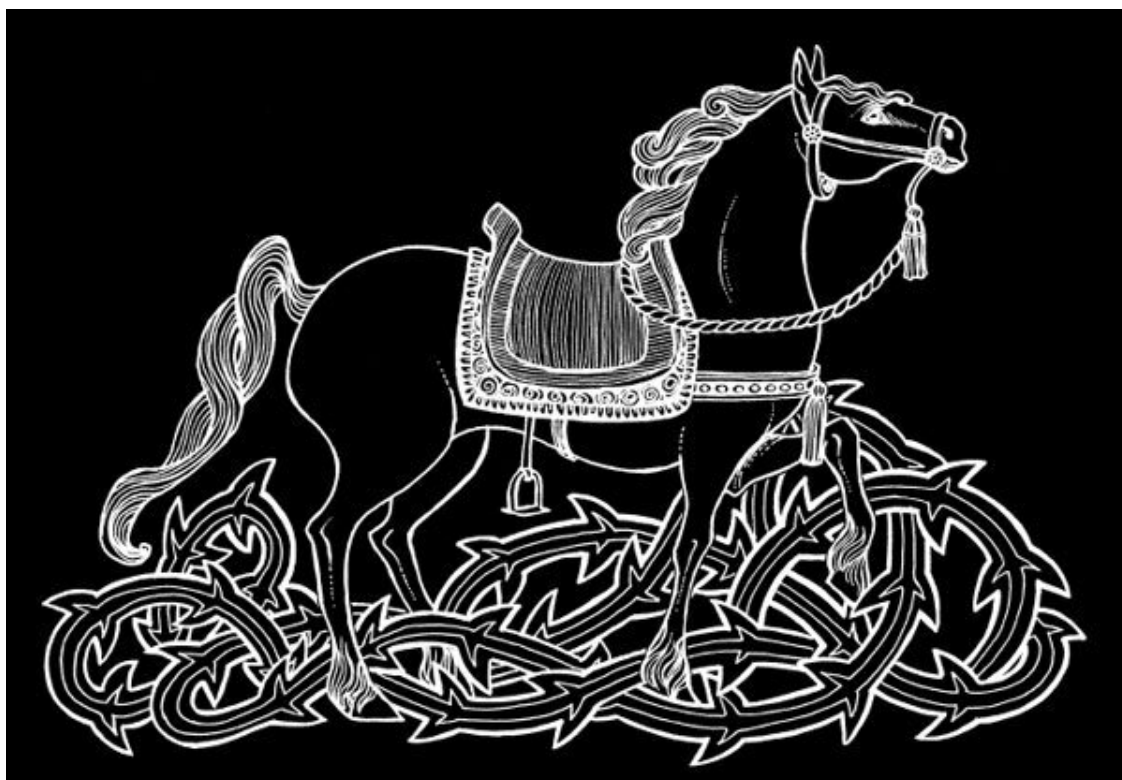
– Странно! – проговорил барон задумчиво, очевидно, не сознавая своих слов. – Правда, замечательный, удивительный конь! И, видно, действительно пугливый, неукротимый. Ну, пусть будет моим, – заключил он после паузы. – Может быть, такому ездоку, как Фридрих фон Метценгерштейн, удастся укротить самого черта из конюшен Берлифитцинга.

– Нет, господин, вы ошибаетесь; мы ведь докладывали вам, что конь не из берлифитцингской конюшни. Будь он оттуда, не осмелились бы мы представить его кому-либо из вашей семьи.

– Правда! – сухо согласился барон.

И в эту самую минуту из замка выбежал, весь раскрасневшись, постельничий. Он шепнул на ухо барону о внезапном исчезновении куска обоев в одной из комнат, которую он описал в подробности. Несмотря на пониженный голос, которым он говорил, ничто не скрылось от возбужденного любопытства конюхов.

Во время этого разговора Фридриха, по-видимому, волновали различные чувства. Однако он скоро овладел собой, и лицо его приняло выражение злобной решимости, когда он приказал немедленно запереть на замок комнату, а ключ отдать ему.

– А слышали вы о несчастье со старым охотником Берлифитцинга? – спросил один из слуг барона, когда после ухода постельничего огромный конь, признанный бароном своею собственностью, поскакал с удвоенным бешенством по аллее, которая вела от замка к конюшням Метценгерштейна.

– Нет, – отвечал барон, резко поворачиваясь к говорившему. – Ты говоришь, несчастье?

– Он умер, господин. Думаю, для вас, как члена вашей семьи, известие не неприятное. Усмешка скользнула по лицу слушателя.

– Как он умер?

– Стараясь спасти своих любимых лошадей, он сам погиб в огне.

– Вот ка-а-ак! – протянул юноша спокойно и вернулся как ни в чем не бывало в замок.

С этого дня в поведении распутного барона Фридриха фон Метценгерштейна произошла замечательная перемена. Он в самом деле разочаровал ожидание многих маменек, имевших на него вид; а в своих привычках и образе жизни еще больше чем прежде стал расходиться с жизнью соседней аристократии. Он никогда не переступал за пределы своего поместья и жил совершенно одиноко. Разве только таинственный бешеный рыжий конь, на котором он начал постоянно ездить, мог иметь некоторое право называться его другом.

Однако барон получал многочисленные приглашения от соседей.

«Не почтит ли барон праздник своим присутствием?» – «Не примет ли барон участие в охоте на кабана?»

«Метценгерштейн не охотится». – «Метценгерштейн не может быть», – гласили лаконические ответы.

С такими постоянными оскорблениями высокомерная аристократия не могла примириться. Приглашения стали реже и менее любезны и наконец совершенно прекратились. Вдова умершего графа Берлифитцинга даже высказала надежду, «что барон будет дома, когда не захочет быть дома, если он пренебрегает обществом равных себе; и будет ездить, когда не захочет, если предпочитает общество своей лошади».

Это, конечно, была вспышка наследственной неприязни и доказывала только, какую бессмыслицу мы в состоянии сказать, желая проявить особенную энергию.

Сострадательные души приписывали перемену в образе жизни барона естественной печали о безвременно погибших родителях, забывая его жестокости и распутство в короткий период, непосредственно следовавший за этим грустным событием. Нашлись и такие, которые приписывали это чересчур развитому самомнению и гордости. Третьи, между которыми следует упомянуть семью доктора, наконец намекали на черную меланхолию и на наследственную болезненность; вообще темные слухи подобного рода ходили в массе.

В самом деле, неестественная привязанность барона к новому приобретению, – привязанность, как будто усиливавшаяся с каждой новой вспышкой бешеных наклонностей дьявольского животного, начала принимать в глазах всех благоразумных людей отвратительный и неестественный характер. В полудневный зной, в мертвые ночные часы, здоровый или больной, в тихую погоду или бурю, молодой Метценгерштейн казался прикованным к седлу гигантского коня, неукротимый нрав которого так подходил к его собственному характеру.

Но были обстоятельства, которые, в связи с событиями последнего времени, придали сверхъестественный и чудовищный характер мании всадника и свойствам коня. Скачки последнего тщательно измерялись, и оказалось, что они превзошли даже самые невероятные предположения. Кроме того, барон не дал клички животному, хотя все прочие лошади его конюшни имели клички, характеризовавшие их. Конюшня коня находилась в отдалении от прочих, а что касается конюхов и прочей прислуги, то никто не смел ухаживать за ним или подходить к его стойлу. Ходил за ним сам барон. И даже из тех трех конюхов, которым удалось с помощью узды и аркана из цепи задержать его во время бешеной скачки из Берлифитцинга, ни один не мог сказать, чтоб он действительно коснулся рукой тела животного. Проявление особенного ума в лошади не возбуждали, конечно, особенного внимания; но были обстоятельства, которые невольно бросались в глаза самым флегматичным скептикам, а бывали случаи, когда толпа отшатывалась перед его загадочными порывами, и даже сам Метценгерштейн бледнел и отступал перед пытливым пристальным выражением его глаз с человеческим взглядом.

Между всеми окружающими барона никто не сомневался в необыкновенной горячей привязанности молодого дворянина к бешеному коню, никто, кроме одного незначительного и уродливого пажа, безобразие которого всем мозолило глаза и мнение которого, конечно, не имело ни малейшего значения. Он имел смелость, если вообще смел иметь какое-либо мнение, утверждать, что его господин никогда не садится в седло без невольной, хотя почти незаметной дрожи, и что каждый раз по возвращении из продолжительной прогулки верхом, каждый мускул лица его дрожит от злобного торжества.

В одну бурную ночь Метценгерштейн, проснувшись от тяжелой полудремоты, выбежал как сумасшедший из комнаты и, вскочив на коня, помчался в лес. Такое обычное событие не привлекло ничьего особенного внимания, но слуги ожидали с беспокойством его возвращения, как вдруг, после нескольких часов его отсутствия, неожиданный пожар отхватил все роскошные здания замка, с треском проникая в самые основания их.

Так как пламя, когда его заметили, уже так распространилось, что попытки спасти какую-либо часть здания были, очевидно, бесполезны, то испуганные соседи стояли кругом, ничего не предпринимая и молча смотря на успехи огня. Но скоро новое ужасное зрелище привлекло внимание толпы и доказало, насколько сильнее впечатление, производимое видом человеческого страдания, чем самых ужасных зрелищ, представляемых неодушевленными предметами.

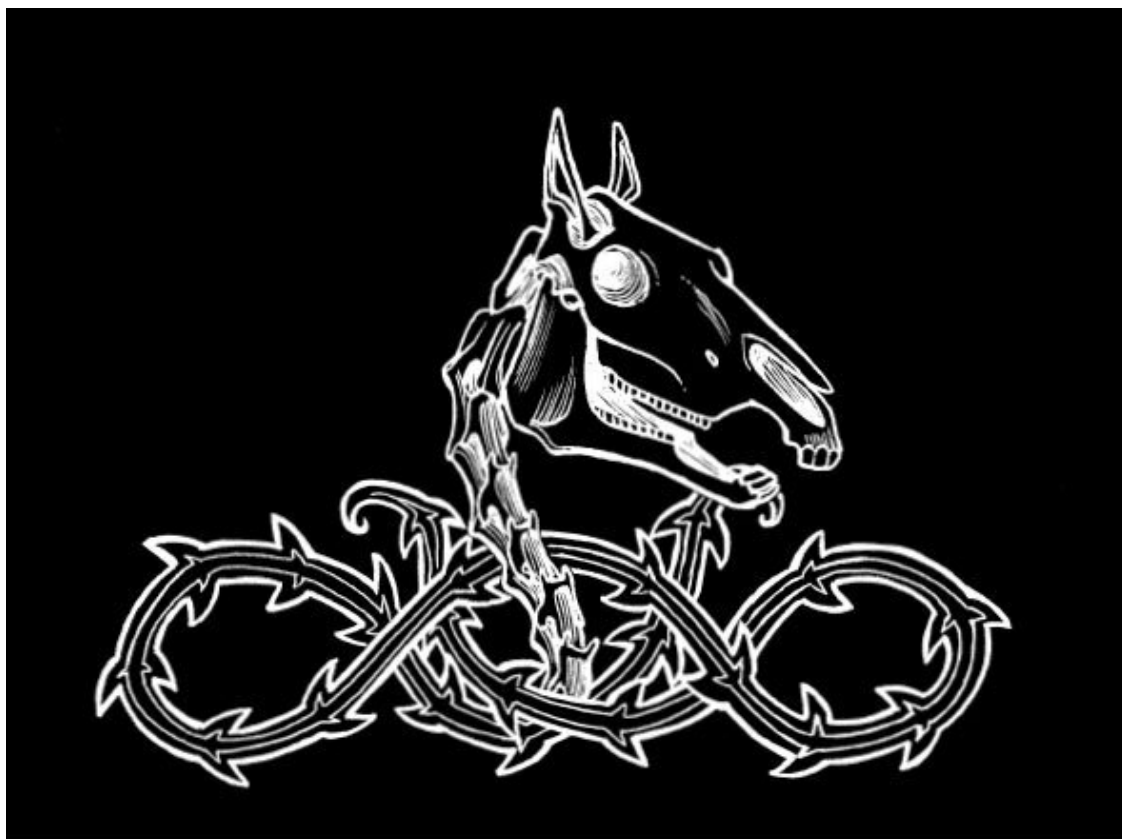

По длинной аллее из старых дубов, ведущей от леса к главному выезду замка Метценгерштейн, скакал, точно гонимый самим демоном бури, конь с всадником без шляпы и в рваной одежде.

Ясно было, что всадник уже не в состоянии управлять конем. Искажённое лицо и судорожные движения показывали сверхъестественные усилия; но всего только один крик вырвался из губ, сжатых ужасом. Минута – и резкий стук копыт заглушил рев пламени и свист

ветра; другая – и, перемахнув одним прыжком через площадку, конь взлетел на качающиеся ступени лестницы замка и исчез с всадником в вихре бушующего пламени.

Буря моментально стихла, и наступила мертвая тишина. Белое пламя, будто саван, все еще обволакивало здание и, высоко поднимаясь в спокойном воздухе, распространяло сверхъестественный свет, между тем как облако дыма тяжело повисло над строениями, приняв явственно форму колоссального коня.

Элеонора⁶

Sub conservatione formæ specificæ salva anima.
Raymond Lulle⁷

Я принадлежу к семье, отметившей себя силой фантазии и пламенностью страсти. Люди называли меня безумным, но это еще вопрос, не составляет ли безумие высшей способности понимания, не обусловлено ли многое из того, что славно, и все то, что глубоко, болезненным состоянием мысли, особым настроением ума, возбужденного в ущерб строгому рассудку. Тем, которые видят сны днем, открыто многое, что ускользает от тех, кто спит и грезит только ночью. В своих туманных видениях они улавливают проблески вечности и трепещут, пробуждаясь и чувствуя, что они стояли на краю великой тайны. Мгновеньями они постигают нечто из мудрости, которая есть добро, и еще более – из знания, которое есть зло. Без руля и без компаса проникают они в обширный океан «света неизреченного», и опять, наподобие мореплавателей нубийского географа, *«agressi sunt maretenebrarum, quid in eo esaet exploraturi»*⁸.

Итак, пусть я безумен. Я должен, однако, сказать, что есть два вполне определенных качества моего духовного существования: совершенная ясность ума относительно воспоминаний, составляющих первую эпоху моей жизни, и неопределенные сомнения относительно настоящего и туманность воспоминаний, образующих вторую эру моего существования. Вследствие этого всему, что я буду говорить о раннем периоде, верьте; что же касается рассказа о более позднем времени, отнеситесь к нему так, как это вам покажется необходимым; или усомнитесь в нем совершенно; или, если сомневаться вы не можете, будьте Эдипом этой загадки.

Та, которую я любил в моей юности, и воспоминания о которой я теперь спокойно и сознательно запечатлеваю здесь, была единственной дочерью единственной сестры моей давно умершей матери. Имя ее было Элеонора. Мы всегда жили вместе под тропическим солнцем в Долине Многоцветных Трав. Ни один путник никогда не приходил без руководителя в эту долину, потому что она находилась далеко, за цепью гигантских холмов, тяжело нависших над ней отовсюду и изгонявших солнечный свет из самых нежных ее уголков. Ни дороги, ни тро-

⁶ Читатель, знакомый с первой книгой «Страшных рассказов», без промедления узнает в «Элеоноре» порядок чувств и идей сродни тем, которые преобладают в «Лигейе» и «Морелле». – (Ш. Б.)

⁷ «Душа спасается, сохраняясь в специфической форме» – (лат.), Раймунд Луллий.

⁸ «Вступают в море тьмы, чтобы исследовать, что в нем» (лат.).

пинки не было вблизи; и, чтобы достичь нашего невозмутимого жилища, нужно было с силой прорваться через листву многих тысяч высоких деревьев и умертвить, омрачить лучезарную славу миллионов душистых цветов. Там жили мы одни, я, моя двоюродная сестра и ее мать, не зная ничего о мире, лежавшем за пределами этой долины.

Из туманных сфер за горами, с верхней крайней точки нашей области, пробиралась узкая и глубокая река, светлая, светлее всего, исключая глаза Элеоноры; скользя украдкой и изгибаясь разнообразными излучинами, она уходила наконец по узкому руслу в тень и пряталась среди холмов еще более туманных, чем высоты, откуда она брала свое начало. Мы назвали ее Рекою Молчания, потому что в ее течении было как будто что-то умиротворяющее. От ее ложа не исходили журчания, и так спокойно, так кротко она ускользала вперед, что лежавшие глубоко на дне и подобные жемчужинам маленькие камешки, на которые мы любили смотреть, оставались совершенно неподвижными и всегда сохраняли свое прежнее положение, и каждый блистал неизменным сиянием.

Берега реки и множество ослепительных ручейков, скользившее извилистыми лентами и неслышно вливавшее в нее тихие воды, а равно и все пространства, шедшие от берега в глубину источников вплоть до ложа жемчужных камней, были покрыты невысокой зеленой травой; пышный ковер из такой же короткой густой и совершенно ровной травы, издававшей запах ванили, тянулся по всему пространству долины от реки до холмов, и всюду среди изумрудной зелени были рассыпаны желтые лютики, белые маргаритки, пурпурные фиалки и рубиново-красные златоцветы, и вся эта роскошь чудесной красоты громко говорила нашим сердцам о любви и величии Бога.

Там и сям над травой, подобно вспышкам причудливых снов, возвышались группы скалочных деревьев; их тонкие, легкие стволы стояли не прямо, но делали мягкий уклон, тянулись к солнечному свету, который в час полудня устремлял свои потоки к средоточию долины. Древесная их кора была испещрена изменчивым ярким сиянием серебра и черни, и она была нежна, нежнее всего, исключая щеки Элеоноры, и если бы не громадные листья изумрудного цвета, трепетно простиравшиеся от их вершин и игравшие с прихотливым ветерком, эти деревья можно было бы принять за исполинских сирийских змей, воздающих почести своему владыке, солнцу.

Пятнадцать лет, рука с рукой, бродили мы по этой долине, Элеонора и я, прежде чем любовь вошла в наши сердца. Это случилось вечером, на исходе третьего пятилетия ее жизни, и четвертого пятилетия моей, когда мы сидели, обнявшись друг с другом, под ветвями деревьев, похожих на змей, и смотрели на отраженья наших лиц в водах Реки Молчания. Мы не говорили ни слова на исходе этого чудного дня, и, когда вспыхнуло новое утро, мы говорили мало и дрожащим голосом. Из этих волн мы вызвали бога Эроса, и вот мы чувствовали, что он зажег в нас пламенные души наших предков. Страсти, отличавшие наш род в течение целых столетий, бурно примчались вместе с фантазиями, сделавшими его также знаменитым, и повеяли упоительным благословением над Долиной Многоцветных Трав. Все кругом переменялось. Странные блестящие цветы, имеющие форму звезд, вспыхнули на деревьях, где до тех пор никогда не виднелось никаких цветов. Глубже сделались оттенки зеленого ковра, и, когда одна за другою исчезли белые маргаритки, на их месте десятками выросли рубиново-красные златоцветы. И жизнь задрожала повсюду, где мы ступали, потому что стройный фламинго, до тех пор никогда не виданный нами, появился, окруженный веселыми светлыми птицами, и развернул свои алые крылья. Золотые и серебряные рыбы стали плавать и мелькать в реке, от ложа которой малопомалу послышался ропот, и он таял и рос, и наконец это журчание сложилось в колыбельную песню, нежней, чем Эолова арфа, гармоничнее всего, исключая голос Элеоноры, и огромное облако, за которым мы долго следили в области Геспера, выплыло оттуда, все сияя червленим золотом, и, мирно встав над нами, день за днем оно опускалось все ниже и ниже, пока наконец

его края не зацепились за вершины гор, превратив их туманы в блестящие покровы и заключив нас как бы навсегда в магическую тюрьму величия и пышности.

Красота Элеоноры была красотой Серафима, но то была девушка бесхитростная и невинная, как ее недолговечная жизнь среди цветов. Никаким лукавством не таила она огня любви, который вспыхнул в ее душе, и вместе со мною она раскрывала самые потаенные ее уголки,

меж тем как мы бродили по Долине Многоцветных Трав и говорили о великих переменах, недавно произошедших здесь.

Но однажды, вся в слезах, она сказала о грустной перемене, которая должна постигнуть человечество, и с тех пор она уже не разлучалась с этой скорбной мыслью, вводя ее во все наши беседы, подобно тому как в песнях ширазского поэта одни и те же образы повторяются снова и снова в каждой трепетно чуткой фразе.

Она видела, что Смерть отметила ее своим перстом – что, подобно однодневке, она была создана неподражаемо красивой лишь для того, чтоб умереть, но ужас могилы заключался для нее только в одной мысли, которую она открыла мне однажды, в вечерних сумерках, на берегах Реки Молчания. Она печалилась при мысли, что, схоронив ее в Долине Многоцветных Трав, я навсегда покину эти блаженные места и отдам свою любовь, теперь так страстно посвящаемую ей, какой-нибудь девушке из того чужого и будничного мира. И я стремительно бросался к ногам Элеоноры и произносил обет перед ней и перед небесами, клялся, что никогда не соединюсь браком с какой-либо дочерью Земли, что я ничем не изменю ее дорогой памяти или воспоминанию о том благоговейном чувстве, которое она внушила мне. И я взывал к Великому Владыке Мира во свидетельство благочестивой торжественности моего обета. И проклятие, которое должно было истекать от Него и от нее, от святой, чье жилище будет в Эдеме, то страшное проклятие, которое должно было пасть на мою голову, если бы я оказался изменником, было сопряжено с такой ужасной карой, что я не решаюсь теперь говорить о ней. И светлые глаза Элеоноры еще более светлели при моих словах; и она вздохнула с облегчением, как будто смертельная тяжесть спала с ее груди; и она затрепетала и горько заплакала; но приняла мой обет (что была она, как не ребенок?), и легко ей было лечь на ложе смерти. И немного дней спустя она сказала мне, спокойно умирая, что в виду всего, что сделал я для умиротворения ее души, она будет после смерти незримым духом бодрствовать надо мной и, если это будет ей доступно, в видимой форме станет возвращаться ко мне в часы ночи; но если это не во власти блаженных душ, она мне будет хотя давать частые указания на свою близость – обратившись ко мне, будет вздыхать в дуновении вечернего ветра или наполнит воздух, которым я дышу, благоуханием из небесных кадилниц. И с этими словами на устах она рассталась с своей непорочной жизнью, кладя предел первой поре моего бытия.

Вот все, что я сказал, я говорил истинно. Но когда я прохожу по путям, которые расстилает Время, когда я переступаю через преграду, созданную смертью моей возлюбленной, и приближаюсь ко второй поре моего существования, я чувствую, что тени начинают окутывать мой мозг, и я не вполне доверяю моей памяти. Но буду продолжать. Годы шли тяжело за годами, а я все еще жил в Долине Многоцветных Трав, но вторичною переменной было застигнуто все кругом. Цветы, похожие на звезды, спрятались в стволы деревьев и больше не появлялись. Побледнели оттенки зеленого ковра; и один за другим рубиново-красные златоцветы увяли; и вместо них десятками выросли темные фиалки, они глядели, как глаза, угрюмо хмурились и плакали, покрытые росой. И Жизнь отошла от тех мест, где мы ступали, потому что стройный фламинго уже не разворачивал свои алые крылья, но вместе с веселыми светлыми птицами грустно покинул долину и скрылся в холмах. И золотые и серебряные рыбы уплыли сквозь ущелье в самый далекий конец нашей области и не мелькали больше в водах чистой реки. И колыбельная песня, которая была нежней, чем Эолова арфа, и мелодичнее всего, исключая голоса Элеоноры, утихла, замерла, и ропот волн становился все глуше и глуше, и наконец река опять окуталась своим прежним торжественным молчанием; и тогда огромное облако тронулось, и, оставляя вершинам гор сумрак прежних туманов, оно возвратилось в области Геспера и унесло всю свою славу величия и пышности от Долины Многоцветных Трав.

Но обещания Элеоноры не были забыты; потому что я слышал бряцанье кадилниц, колебавшихся в руках ангелов⁹; и священные благоуханья потоками плыли всегда над долиной; и в часы одиночества, когда тяжело билось мое сердце, ко мне прилетал легкий ветер и льнул к моему лицу дуновением, наполненным нежными вздохами; и часто воздух ночи был исполнен невятного ропота; и раз – о, только раз! – я был пробужден ото сна, подобного сну смерти, почувствовав, что призрачные губы прильнули к моим.

⁹ «...я слышал бряцанье кадилниц, колебавшихся в руках ангелов». Данный образ также обнаруживается в четырнадцатой строфе «Ворона»... и в стихотворении «Что можешь ты сказать...»: Чья бестелесная плоть благоухает ароматом ангелов...

Но, несмотря на все это, пустота моего сердца не могла быть наполнена. Я томился жадой любви, которая прежде так всецело владела моей душой. Наконец долина стала мучить меня воспоминаниями об Элеоноре, и я навсегда покинул ее для суеты и бурных ликований мира.

Я очутился в странном городе, где все клонилось к тому, чтобы изгнать из моих воспоминаний нежные сны, которые мне так долго снились в Долине Многоцветных Трав. Великолепие пышного двора, и упоительный звон оружия, и ослепительная красота женщин, все это смутило и опьянило меня. Но душа моя все еще оставалась верной своим обетам, и указания на близость Элеоноры все еще продолжали являться в часы ночного безмолвия. Но вот эти откровения внезапно прекратились; и мир для меня окутался тьмою; и я был испуган жгучими мыслями, овладевшими мной, – чрезвычайными искушениями, приступившими ко мне; ибо издалека, из далекой неизвестной страны, к веселому двору короля, где я служил, прибыла девушка, и пред ее красотой мгновенно пало мое отступническое сердце – к ее подножию склонился я без колебаний, с самым страстным, с самым низким обожанием. И правда, что могла значить моя страсть к юной девушке долины перед безумством пламенных чувств, перед исступленным восторгом обожания, с которыми я излил всю свою душу в слезах у ног воздушной Эрменгард? О, прекрасна, как ангел, прекрасна была Эрменгард! И ни о чем я больше не мог подумать. О, чудесна, как ангел, чудесна была Эрменгард! И когда я взглянул глубоко в ее глаза, исполненные напominаний, я думал только о них – и о ней.

Я обвенчался. Не страшился я проклятия, которое сам призывал; и горечь его не посетила меня. И раз, один лишь раз в ночном безмолвии ко мне донеслись через оконную решетку нежные вздохи, когда-то посещавшие меня, и они слились вместе, образуя родной чарующий голос, который говорил: «Спи с миром! Надо всем царит, всем правит Дух Любви, и, отдав свое страстное сердце той, чье имя Эрменгард, ты получил отпущение от своих обетов пред Элеонорой¹⁰, в силу решений, которые тебе откроются, когда ты будешь на Небесах».

¹⁰ Я не хочу слишком разяснять намеки, от которых порой так бывают без ума биографы. Тем не менее мне представляется нелишним заметить, что Эдгар По женился на единственной дочери сестры своей матери, а после смерти этой женщины, очень им любимой, какое-то время подумывал о том, чтобы повторно вступить в брак. Очень многие поэты, в самой разной связи, пользовались образом единственной женщины. Подобное предположение о душе, вселяющейся в разные тела, может показаться попыткой защитить совесть, опасующуюся нарушить верность дорогим воспоминаниям. Внезапный отказ от не просто планируемого, но уже почти даже заключенного брака, еще больше укрепляет мою гипотезу. Если даже предположить, что «Элеонора» была написана до намерения поэта вступить в новый брак, о чем мне доподлинно не известно, мое наблюдение все равно сохраняет значительную нравственную ценность. В этом случае поэт, скорее всего, сначала посчитал это возможным, благодаря его любимой теории, но потом посчитал ее недостаточной для того, чтобы не терзаться угрызениями совести. – (Ш. Б.)

Шахматный автомат доктора Мельцеля

Пожалуй, ни одна демонстрация подобного рода не привлекала в обществе такого внимания, как Шахматный автомат Мельцеля. Где бы его ни выставляли, для каждого, кто способен мыслить, он неизменно становился предметом пристального любопытства. В то же время вопрос о его *modus operandi*¹¹ до сих пор не решен. На эту тему не написано ровным счетом ничего, что можно было бы считать окончательным и решительным. Как следствие, нам повсюду встречаются индивиды, обладающие общей проницательностью и гениальными познаниями в механике, без колебаний заявляющие, что искомый автомат всего лишь машина, движения которой никоим образом не связаны с действиями человека и которая, как следствие, представляет собой самое удивительное, не знающее себе равных человеческое творение. И так оно наверняка и было бы, если бы они не ошибались в своем предположении. Взяв на вооружение их гипотезу, было бы в высшей степени абсурдным сравнивать этого Шахматного игрока с чем-либо подобным, как нынешним, так и бывшим. Это при том, что в мире существовало много самых замечательных и удивительных автоматов. О самых известных из них можно прочесть в «Письмах о естественной магии» Брюстера. Среди прочих в первую очередь можно упомянуть карету, придуманную господином Камю для забав маленького Людовика XIV, существование которой не вызывает ни малейших сомнений. В отведенной для опыта комнате ставили стол площадью около четырех квадратных футов, а на него – деревянный экипаж шести дюймов в длину, запряженный парой лошадок, сделанных из того же материала. На задней скамеечке сквозь опущенное оконное стекло можно было увидеть даму. На козлах держал в руках вожжи кучер, сзади на своих обычных местах располагались ливрейный лакей и паж. Стоило господину Камю коснуться пружины, как кучер тотчас хлестал кнутом, и лошади самым естественным образом бежали по краю стола, увлекая за собой карету. Оказавшись на самом краю, упряжка резко поворачивала под прямым углом влево и опять бежала по самому краю стола. Так продолжалось, пока она не оказывалась напротив кресла, в котором сидел юный принц. Там экипаж останавливался, паж спускался с запяток, открывал дверцу, дама сходила на землю, подавала суверену прошение и возвращалась обратно. Паж убирал скамеечку, игравшую роль подножки, закрывал дверцу и вновь поднимался на запятки. Кучер стегал лошадей, и карета возвращалась на прежнее место.

¹¹ Образ действия (лат.). – Прим. ред.

Упоминания заслуживает и Маг господина Майярде. Рассказ о нем мы приводим по уже упомянутому «Письмам» доктора Брюстера, который в основном почерпнул сведения о нем из «Эдинбургской энциклопедии».

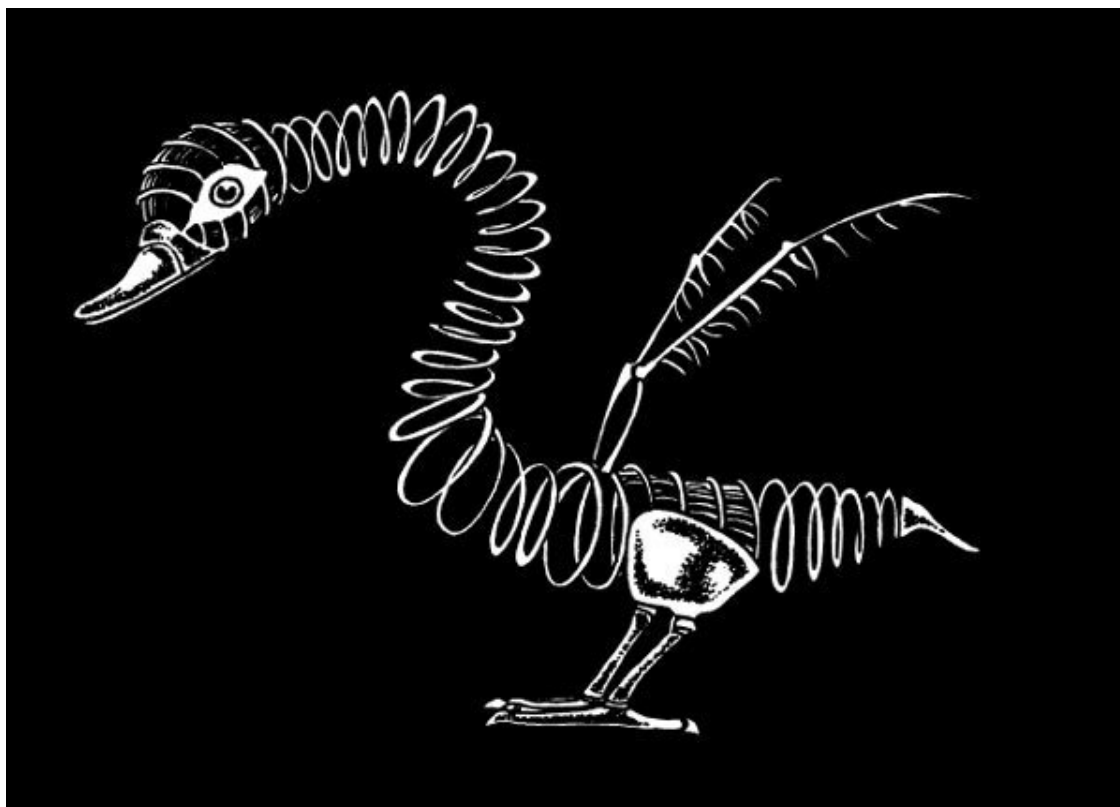
«Одним из самых популярных механических устройств, попадавшихся нам на глаза, является сконструированный господином Майярде волшебник, специально задуманный с тем, чтобы отвечать на некоторые задаваемые ему вопросы. Облаченная магом фигурка представлена сидящей у подножия стены, в правой руке у нее волшебная палочка, в левой – книга. Вопросы, заранее подготовленные в некотором количестве, изображены на овальных медальонах; взяв один из них по своему выбору, чтобы получить на него ответ, зритель кладет его в специально оборудованный для этого ящичек, который тотчас задвигается с помощью пружины и остается в таком состоянии, пока не будет получен ответ. После чего маг встает, кланяется, описывает палочкой несколько кругов, заглядывает в книгу, будто глубоко задумавшись, и подносит ее к лицу. Старательно изобразив таким образом размышления над данным вопросом, маг поднимает свою волшебную палочку и стучит ею в стену у себя над головой; створки открываются и зрителю предстает надлежащий ответ на его вопрос. Затем дверь запирается, маг возвращается в исходное положение, ящик выдвигается обратно и возвращает медальон с вопросом. Всего таких медальонов два десятка, у каждого из них свой вопрос, на который маг дает весьма уместный и самый поразительный ответ. Они изготовлены из тонких медных пластин, имеют эллиптическую форму и очень похожи друг на друга. На некоторых из них вопросы написаны с обеих сторон, в таких случаях маг отвечает сначала на один, потом на другой. Если запереть ящичек, не положив в него медальон, маг встает, заглядывает в свою книгу, качает головой и садится обратно; створки двери при этом не открываются, а когда ящичек выдвигается, в нем, соответственно, ничего нет. Если положить в него сразу два медальона, то маг ответит лишь на ответ, изображенный на верхнем. После завода автомат может проработать около часа, ответив за это время примерно на полсотни вопросов. По утверждениям изобретателя, методы воздействия различных медальонов на машину с целью получить подходящий ответ на написанный заранее вопрос, предельно просты».

Еще более примечательна была Вокансонская утка. Выполненная в натуральную величину, она настолько копировала живую птицу, что все зрители ее за таковую и принимали. По словам Брюстера, она самым естественным образом копировала все позы и жесты, жадно ела и пила, повторяла головой и глоткой все присущие утке движения и, подобно настоящему пернатому, энергично мутила воду, вбирая ее клювом. Да при этом еще с невероятной достоверностью крякала. При воспроизведении анатомической структуры ее творец проявил редкое умение. В его автомате каждая косточка живой утки имела свое соответствие, а крылья в анатомическом отношении представляли собой точную копию настоящих. Он самым тщательным образом воспроизвел каждую полость, отросток и кривую, каждая косточка характеризовалась своими собственными движениями. Стоило бросить зернышко, как пернатое вытягивало шею, склевывало его и проглатывало, чтобы затем переварить¹².

Если эти аппараты свидетельствовали о гениальности своих создателей, то что прикажете думать о счетной машине господина Бэббиджа? Что прикажете думать о выполненном из металла и дерева устройстве, способном не только рассчитывать астрономические и навигационные таблицы для каждой конкретно взятой точки, но и удостоверять математическую точность, благодаря способности исправлять собственные ошибки? Что прикажете думать о механизме, который может не только выполнять все вышеперечисленные операции, но и немедленно по получении печатать материальные результаты этих сложнейших расчетов, без малейшего вмешательства со стороны человеческого разума? По всей видимости, нам ответят,

¹² В «Эдинбургской энциклопедии» в рубрике «Андроиды» можно найти исчерпывающий перечень главных автоматов как древних, так и современных. – Э. А. П. (Ш. Б.)

что описанная нами только что машина не идет ни в какое сравнение с шахматным автоматом Мельцеля и всецело его превосходит. Отнюдь, потому как ей, напротив, до него очень далеко; при том, однако, условии, что мы изначально примем на веру, будто этот Шахматный автомат во всех отношениях представляет собой машину и совершает операции без малейшего опосредованного вмешательства человека (чего с точки зрения разума нельзя допустить ни на секунду).

По своей природе арифметические и алгебраические расчеты незыблемы, определены раз и навсегда. При наличии определенных данных, в обязательном порядке следуют определенные результаты и избежать этого нельзя. Эти результаты ни от чего не зависят и подвержены влиянию лишь исходных данных. Поэтому на пути к финальному решению нуждающийся в проработке вопрос проходит либо должен проходить череду непогрешимых шагов, не терпящих никаких перемен и не подверженных видоизменениям. Приняв это предположение, мы можем без труда допустить возможность создания механизма, который, опираясь на исходные данные нуждающегося в решении вопроса, будет постоянно совершать планомерные, регулярные шаги к требуемому решению, не отклоняясь в стороны, потому что какими бы сложными эти движения ни были, они всегда строго ограничены и заранее определены. Совсем другое дело шахматный автомат. Здесь не может быть поступательного движения, определенного раз и навсегда. В этой игре нет ни одного хода, за которым неизбежно следовал бы какой-то другой. Позиция фигур на доске в тот или иной момент партии никоим образом не предопределяет их положения на любом ее этапе в будущем. Сопоставив первый ход в шахматах с данными алгебраической проблемы, мы сразу же поймем, сколь огромна между ними разница. В случае с алгебраическими данными, за ними неизменно идет следующий шаг, пребывающий от них в полной зависимости. Эти данные сами его и создают. Он может быть только таким, и никаким другим. Однако в шахматной партии первый ход отнюдь не влечет за собой строго определенного другого. Пока алгебраическая проблема движется к своему решению, незыбле-

мость операций не вызывает ни малейших сомнений. Второй шаг является следствием исходных данных, третий – следствием второго, четвертый – третьего, пятый – шестого и так до самого конца, без каких-либо альтернатив. В то время как в шахматах чем дольше длится партия, тем неопределеннее становится каждый следующий ход. Да, совершаются те или иные ходы, но ни один из них нельзя назвать обязательным или неизбежным. Один зритель может советовать одно, другой совсем другое. Таким образом, здесь все зависит от личностных суждений игроков. Но даже если допустить (чего допустить нельзя никак), что движения Шахматного автомата сами по себе предопределены, их ход все равно обязательно нарушит противник. Так что никаких аналогий между операциями Шахматного автомата и счетной машины господина Бэббиджа проводить нельзя; и если нам уж так хочется назвать первый машиной, то придется признать его самым невообразимым изобретением человечества, не имеющим себе равных. В то же время первый прожектор шахматного автомата, барон Кемпелен, без зазрения совести называл его «самым обычным механизмом – безделицей, производящей столь волшебное впечатление только благодаря дерзости замысла и удачного выбора использованных средств, способствующих усилению иллюзии». Впрочем, подробно задерживаться на этом моменте нет никакой надобности. В том, что операции Шахматного автомата управляются разумом, нет никаких сомнений. Можно даже сказать, что данное утверждение априори доказуемо математически. Вопрос лишь в том, каким именно образом осуществляется человеческое вмешательство. Перед тем как переходить к рассмотрению данной темы, было бы весьма уместно привести здесь историю и краткое описание Шахматного автомата, ради удобства тех наших читателей, которые никогда не имели случая присутствовать на демонстрациях господина Мельцеля.

Шахматный автомат в 1769 году изобрел барон Кемпелен, венгерский дворянин из Пресбурга, впоследствии уступив его, вместе с секретом работы машины, нынешнему владельцу¹³. Вскоре по окончании работы над аппаратом механического шахматиста стали демонстрировать в Пресбурге, Париже, Вене и других городах континента. В 1783 и 1784 годах господин Мельцель привозил его в Лондон. В последние годы автомат посетил крупнейшие города Соединенных Штатов. Где бы его ни выставляли, он неизменно возбуждал живейшее любопытство, и представители самых разных сословий неоднократно предпринимали попытки проникнуть в тайну его действия. Приведенная выше гравюра дает весьма сносное представление об облике, в каком его несколько недель назад могли лицезреть жители Ричмонда. В то же время правую руку на ящике надо выдвинуть немного дальше вперед; на нем должна стоять шахматная доска, но поскольку левая рука держит трубку, подушка должна быть скрыта от взоров. Когда Шахматный автомат перешел в собственность господина Мельцеля, тот внес некоторые изменения в его наряд, впрочем, весьма незначительные. К примеру, плюмажа на нем изначально не было и в помине.

В назначенный для демонстрации час поднимается занавес либо открывается двустворчатая дверь, вперед выкатывают машину, устанавливая ее в дюжине футов от переднего ряда зрителей, перед которыми натягивают веревку. В итоге взорам предстает фигура в турецкой одежде, сидящая перед большим ящиком, сделанным, по всей видимости, из клена и служащим столом. По первому требованию демонстратор выкатывает машину в любой уголок зала, ставит ее в любую указанную ему точку, а порой даже, пока разыгрывается партия, несколько раз меняет ее местоположение. Благодаря колесикам или небольшим цилиндрикам, с помощью которых автомат можно передвигать, дно ящика значительно приподнимается над полом, и зрителями просматривается все пространство под ним. Подушка, на которой восседает извая-

¹³ Статья была написана в 1835 году, когда господин Мельцель, незадолго до своей кончины, демонстрировал своего Шахматного игрока в Соединенных Штатах. Мы полагаем, что теперь (в 1855 году) он принадлежит филадельфийскому профессору Дж. К. Митчеллу. (Примечание редактора. – Ш. Б.)

ние, намертво соединена с ящиком, на котором покоится шахматная доска, тоже неподвижно закрепленная. Правая рука Игрока вытянута на всю длину вперед под прямым углом с телом и небрежно лежит на краю шахматной доски ладонью вниз. Площадь доски составляет восемнадцать квадратных дюймов. В согнутой в локте левой руке Игрок держит трубку. Спина Турка прячется за зеленой драпировкой, которая заодно немного прикрывает спереди его плечи. Судя по внешнему облику, ящик разделен на пять отделений – три шкафчика равного размера и два выдвижных ящичка, расположенных под ними. Упомянутые выше наблюдения относятся к внешнему виду Автомата, каким он предстает на первый взгляд, когда его демонстрируют зрителям.

Тогда господин Мельцель говорит, что покажет собравшимся внутреннюю механику его Автомата. Вытащив из кармана связку ключей, он берет один из них и открывает дверцу, обозначенную цифрой 1 на гравюре, приведенной на странице 874, и тем самым дает присутствующим возможность рассмотреть его изнутри. Внешне все пространство там занято колесиками, шестеренками, рычажками и прочими механизмами, которые настолько скучены и так тесно жмутся друг к другу, что пространство за ними просматривается лишь на совсем незначительное расстояние. Не закрывая эту дверцу, Мельцель заходит за ящик, приподнимает мантию Игрока и отпирает другую, расположенную за первой, уже широко распахнутой. Затем подносит к ней зажженную свечу, одновременно с этим несколько раз двигая машину из стороны в сторону, и освещает ее ярким светом все внутренности шкафчика, в котором тоже обнаруживается великое множество механических элементов. Убедив присутствующих, Мельцель закрывает заднюю дверцу, запирает ее на ключ, вытаскивает его из замочной скважины, опускает мантию Турка и вновь выходит вперед. Как мы помним, дверца, помеченная цифрой 1, в этот момент остается открытой. Теперь демонстратор переходит к выдвижному ящичку, расположенному под шкафчиками; ведь хотя внешне и может показаться, что их там два, в действительности он только один, а две ручки, равно как и две связки ключей, служат единственно украшением. Когда он выдвигает его на всю длину, на небольшой подушечке взорам предстает полный набор шахматных фигур, перпендикулярно закрепленных на деревянном каркасе. Не закрывая этот выдвижной ящичек, а также шкафчик под номером 1, Мельцель открывает дверцы 2 и 3, которые, как в этот момент выясняется, представляют собой две створки одной-единственной двери, скрывающей собой одно и то же отделение. Вместе с тем справа от этого отделения (то есть справа от зрителя) есть еще один, отдельный отсек шириной шесть дюймов, заполненный всевозможными механизмами. Что же до главного отделения (главным отделением мы теперь будем называть часть ящика, которую можно увидеть, открыв дверцы 2 и 3), то оно обито темной тканью и из всей механики содержит в себе лишь две стальные детали в форме четверти круга, расположенные в верхних углах в его задней части. На днище этого отделения, в левом дальнем от зрителя углу, имеется небольшой выступ, тоже покрытый темно-зеленой тканью. Не закрывая дверцы 2 и 3, а также выдвижной шкафчик и дверцу 1, демонстратор заходит за главное отделение, открывает там еще одну дверцу и ярко освещает внутренности, поднеся зажженную свечу. Таким образом собравшиеся, казалось бы, могут видеть все внутреннее содержимое ящика. Не закрывая ни одну дверцу и не задвигая ящичек, Мельцель поворачивает автомат, поднимает мантию и таким образом демонстрирует спину Турка. На поясице Игрока виднеется дверца площадью около десяти квадратных дюймов. Вторая, чуть поменьше, имеется на левом бедре. Внутри Игрока через все эти отверстия внешне просматриваются механические элементы. В целом каждый зритель теперь убежден, что смог увидеть и всесторонне рассмотреть все составные части автомата. После столь полной и открытой демонстрации внутреннего содержания аппарата его мозг в то же мгновение отвергает как чрезмерно абсурдную любую мысль о том, что там может прятаться человек, даже если до этого он такого и не исключал.

Поставив машину обратно на место, господин Мельцель сообщает присутствующим, что теперь автомат сыграет партию в шахматы с любым, кто решит с ним потягаться. Когда вызов принят, для противника ставят небольшой столик, но не рядом с веревкой и не перед ней, а в дальнем конце, чтобы всем присутствующим был хорошо виден автомат. Из ящичка достают шахматы, которые Мельцель, в общем случае, хотя и не всегда, расставляет своей собственной рукой на доске, представляющей собой попросту нарисованные на столе в нужном количестве клетки. Когда противник садится, демонстратор подходит к выдвижному ящичку, достает из него подушечку и подкладывает ее под левую руку автомата, предварительно взяв из руки трубку. Затем извлекает оттуда же шахматные фигурки автомата и расставляет на доске перед ним. После чего закрывает дверцы, запирает их на ключ, а связку вешает на дверцу под номе-

ром 1. Затем задвигает ящичек и наконец заводит машину, вставив ключ в отверстие с ее левого края (слева от зрителя). Первый ход делает автомат. Как правило, партия длится не более получаса; но если за это время она не закончилась, а противник настаивает, что, по его убеждению, может выиграть у Турка, господин Мельцель лишь изредка отказывается продолжать игру. Зримая – и наверняка подлинная – причина подобных временных рамок наверняка сводится к тому, чтобы не утомлять собравшихся. Само собой разумеется, что каждый ход противника, сидящего за отдельным столом, господин Мельцель, выступая в роли его представителя, повторяет на доске автомата. Аналогичным образом, когда ходит Турок, каждый его ход господин Мельцель повторяет уже на доске противника, на этот раз выступая в роли представителя автомата. Таким образом, демонстратору приходится постоянно переходить от стола к столу. Кроме того, он то и дело подходит к Турку, чтобы брать выигранные тем фигурки и постепенно ставить их на ящик слева от шахматной доски (слева от себя). Когда автомат колеблется в выборе хода, демонстратор порой подходит справа вплотную к нему и небрежно кладет на ящик руку. А порой особым образом шаркает по полу ногами, дабы заронить семя подозрения в тайном сговоре между ним и машиной в умы тех, кто не столько умен, сколько хитер. Все эти особенности наверняка представляют собой лишь привычную для господина Мельцеля манеру поведения, и если он даже отдает себе в них отчет, то пользуется лишь для того, дабы внушить зрителю ложную мысль о том, что его автомат – не более чем машина.

Турок играет левой рукой, совершая каждое движение под прямым углом. Иными словами, он направляет свою руку (облаченную в перчатку и естественным образом изогнутую) к фигуре, которой надо сделать ход, а когда она над ней висит, опускает и во многих случаях пальцы завладевают ею без каких-либо трудностей. Но иногда, когда фигура стоит не совсем на своем месте, попытка автомата взять ее завершается безрезультатно. Когда подобное случается, вторую попытку он не предпринимает, его рука движется в первоначально задуманном направлении, будто пальцы держат фигуру. Указав таким образом, куда ее надо поставить, его рука ложится на подушечку, и тогда ход за него делает Мельцель. При каждом движении Турка внутри у него дребезжат механические части. Во время партии он время от времени вращает глазами, будто вглядываясь в шахматную доску, качает головой и произносит «шах», когда объявляет его королю¹⁴.

Когда противник играет против правил, Турок энергично барабанит по ящику пальцами правой руки, резко качает головой, возвращает на место неправильно переставленную фигуру и присваивает себе право сделать следующий ход. Выиграв партию, он победоносно качает головой, снисходительно смотрит на собравшихся вокруг зрителей и отодвигает левую руку назад дальше обычного, чтобы пальцы оказались на подушечке. Обычно выигрывает Турок, хотя пару раз ему все же довелось потерпеть поражение. По окончании партии Мельцель по желанию еще раз демонстрирует присутствующим механизм ящика, в точности как в самом начале. После чего откатывает машину назад, и опускающийся занавес скрывает ее от глаз зрителей.

Попытки проникнуть в тайну Автомата предпринимались неоднократно. В общем случае мнение сводилось к тому, что человек к работе этого механического шахматиста не имеет никакого отношения, что тот представляет собой лишь машину и ничто другое – впрочем, люди более-менее сведущие это мнение зачастую не разделяли. В то же время некоторые высказывали идею о том, что машина каким-то образом управляется через ножки ящика. Другие, в свою очередь, уверенно говорили о магните. Что касается первого из этих суждений, нам на данный момент нечего добавить к тому, что уже говорилось ранее. Если же говорить о втором, то достаточно лишь еще раз повторить соображения, упомянутые выше, – машина перемеща-

¹⁴ Произносимое Турком слово «шах» представляет собой внесенное господином Мельцелем усовершенствование. В те времена, когда им владел барон Кемпелен, Шахматный игрок, объявляя шах, стучал по ящику правой рукой. – Э. А. П. (Ш. Б.)

ется на цилиндриках и по требованию любого зрителя ее во время партии можно ставить в любом месте зала. Предположение о магните тоже не выдерживает никакой критики, потому как если бы в роли фактора воздействия действительно выступал он, стоило какому-нибудь зрителю спрятать в кармане еще один магнит, как тот сразу нарушил бы работу всего механизма. К тому же демонстратор никогда не возражал, чтобы на все время показа его изобретения на ящик клали магнитный железняк, в том числе самый мощный.

Первая попытка объяснить действие автомата – по крайней мере из тех, которые нам известны – была предпринята в толстой брошюре, вышедшей в 1785 году в Париже. Выдвинутая автором гипотеза сводилась к тому, что машину приводил в действие карлик. Он предположил, что когда открывали ящик, карлик прятался, просовывая ноги в полые цилиндры (якобы являвшиеся составной частью механизма шкафчика 1, хотя в действительности это было не так), в то время как тело его полностью оставалось снаружи, спрятанное под мантией Турка. А когда дверцы закрывались, он изыскивал способ залезть в ящик, в то время как звуки, издаваемые различными частями механизма, позволяли ему делать это незаметно, да еще и закрыть за собой входную дверцу. После того как зрителям являли внутренности автомата и те никого там не видели, их, по утверждению автора брошюры, и в самом деле охватывала убежденность, что в машине никого нет. Вся эта гипотеза явно слишком абсурдна, чтобы заслуживать опро-

вержения или комментариев, кроме того, заметим, что ей лишь в очень незначительной степени удалось привлечь к себе внимание публики.

В 1789 году в Дрездене вышла книга Джозефа Фредерика Фрейера, содержащая в себе новую попытку объяснить эту тайну. Сей труд был весьма объемён и включал в себя множество цветных иллюстраций. Автор предполагал, что партию играл, совершая все движения автомата, «чрезвычайно грамотный малый, достаточно высокий и худой для того, чтобы прятаться в выдвижном ящичке непосредственно под шахматной доской». И хотя эта идея выглядела еще глупее предыдущей, высказанной его парижским коллегой, ее встретили немного лучше и до некоторого времени даже считали подлинным объяснением этого чуда, – пока изобретатель не положил спорам конец, позволив самым внимательным образом обследовать крышку ящика.

За этими нелепыми попытками все объяснить последовали и другие, не менее забавные. Вместе с тем не так давно некий анонимный автор, идя по пути рассуждений, которые вряд ли можно было бы назвать философскими, и двигаясь практически на ощупь, натолкнулся на весьма правдоподобное решение – хотя мы и не можем назвать его единственно верным. Поначалу его проиллюстрированная гравюрами статья вышла в одном балтиморском еженедельнике под названием «Попытка анализа Шахматного автомата господина Мельцеля». Мы полагаем, что эта статья представляла собой первую публикацию той самой брошюры, на которую в своих «Письмах о естественной магии» ссылается Брюстер¹⁵, называя ее идеальным и удовлетворительным во всех отношениях объяснением феномена. В целом результаты этого анализа бесспорно верны; но для того, чтобы Брюстер согласился узреть в них идеальное и удовлетворительное во всех отношениях объяснение, мы неизбежно должны предположить, что читал он их бегло и невнимательно. Из краткого изложения этого эссе, приведенного в «Письмах о естественной магии», не представляется возможным сделать ясный и однозначный вывод о том, насколько совершенен или несовершенен проделанный анализ, по причине скверного расположения и недостаточного количества подписей под гравюрами. Тот же недостаток присущ и самой «Попытке анализа» в том виде, в каком она предстала перед нами в первый раз. Предлагаемое решение представляет собой череду подробных объяснений (сопровождаемых гравюрами, причем все это занимает множество страниц), цель которых состоит в том, чтобы доказать *возможность перемещения различных отсеков ящика*, при котором человек, укрывшись внутри, во время демонстрации механизма может последовательно прятать части своего тела то в одном, то в другом из них, таким образом ускользая от внимания зрителей. Мы уже говорили и теперь собираемся доказать, что сам принцип, вернее, результат этого объяснения, несомненно, верен. Все время, когда публике демонстрируют внутренности ящика, в нем прячется человек. В то же время мы отвергаем все это многоречивое описание того, как должны перемещаться отсеки ящика, чтобы соответствовать движениям скрывающегося внутри человека. Отвергаем как чистую теорию, изначально принятую на веру, под которую впоследствии подгоняются обстоятельства. К этой теории нас не ведут и не могут вести никакие логические выводы. Каким бы образом это перемещение ни осуществлялось, оно на всех этапах демонстрации должно оставаться незаметным для зрителя. Показать, что определенные отсеки ящика могут двигаться тем или иным образом, еще не означает показать, что они в обязательном порядке именно так и передвигаются. В принципе существует великое множество других способов, с помощью которых можно добиться тех же результатов. Таким образом, вероятность того, что одно отдельно взятое предположение окажется единственно верным, представляет собой соотношение единицы к бесконечности. Однако в действительности особенность в виде подвижности отделений ящика не играет никакой роли. Абсолютно бессмыс-

¹⁵ Сэр Дэвид Брюстер полагает, что большое пространство за выдвижным ящичком существует, даже когда он закрыт, – иными словами, этот выдвижной ящичек представляет собой лишь имитацию. Но его гипотеза не выдерживает никакой критики. Подобный обман был бы тотчас раскрыт – выдвинув на всю длину ящичек, можно было бы сравнить его глубину с глубиной большого ящика. – Э. А. П. (Ш. Б.)

ленно посвящать семь-восемь страниц доказательству того, чего не станет отрицать ни один человек в здравом уме: что могучий механический гений барона Кемпелена сумел изыскать способы закрывать дверцу или сдвигать стенку с помощью человека, непосредственно воздействующего на искомую дверцу или стенку, равно как и совершать другие операции с тем, чтобы зритель ничего не заметил, – что демонстрирует автор «Попытки», и что попробуем доказать мы, только в более полном объеме.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.